

ИЛЬЯ РЕПИН

Воспоминания о современниках
Десять писем об искусстве

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р41

Тексты печатаются по изданию:
Репин И. Е. Далекое близкое. М.: Искусство, 1953

Репин И.

Р41 Воспоминания о современниках. Десять писем об искусстве / Илья Репин. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 277 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-08730-0

В настоящее издание вошли воспоминания Ильи Репина о современниках, впервые опубликованные в книге «Далекое близкое» в 1937 году, представляющие И. Е. Репина как яркого мемуариста. Среди прочих, Репин посвятил эссе живописцам Валентину Серову и Архипу Куинджи, скульптору-реалисту Марку Антокольскому, классикам русской литературы Льву Толстому и Всеволоду Гаршину, а также критику Владимиру Стасову. Помимо воспоминаний о современниках, в сборник включены «Десять писем об искусстве» — цикл путевых заметок, написанных Репиным во время длительной поездки по Европе в 1893–1894 годах и опубликованных «Театральной газетой» и «Неделей» под заглавием «Заметки художника (письма из-за границы)».

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08730-0

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ВОСПОМИНАНИЯ
О СОВРЕМЕННОКАХ

СТАСОВ, АНТОКОЛЬСКИЙ, СЕМИРАДСКИЙ

Помню, жил я тогда в Академическом переулке. В квартире по прямому коридору сдавалось несколько светлых комнат на солнечную сторону. В одной из этих комнат жил Антокольский, еще две комнаты сдавались, а середину занимала хозяйка немка. В ее гостиной собиралось к обеду несколько наших товарищей, между которыми постоянными посетителями были Г. И. Семирадский, П. О. Ковалевский, К. А. Савицкий и М. Н. Горшков. В этой самой квартире Антокольский вылепил потом свою «Инквизицию». Удалившись от нас в «затвор», он из всей своей комнаты сделал диораму с вылепленными фигурами. Скульптурная картина эта, освещенная фонарем, произвела на нас потрясающее впечатление. Не могу без сожаления вспомнить, что не позаботились снять с нее фотографию: она скоро развалилась.

За товарищескими обедами довольно часто разговор заходил тогда о странном критике Стасове, который бурно разносил нашу Академию художеств за ее классицизм и рутину.

К Академии тогда мы привязанности не имели, но, изучая антики по традиции всех академий, мы не могли еще отрицать академического метода, и нас

лично вовсе не убеждали нападки на нее литераторов и дилетантов.

Однако голос Стасова гремел новым, национальным громом, в его доводах чувствовалась живая сила реализма, и свежие всходы нового в искусстве уже тяготели к его проповеди, как к освежающей грозе и живому теплу.

Профессора Академии называли Стасова атеистом Аполлона и грубым вандалом красоты. Прославляемое им впервые как источник творчества русское лубочное искусство они считали продуктом темного народа, забавой черни. А вообще народ, вчерашний раб, продававшийся еще так недавно, как скот на рынке, в то время даже не мог служить предметом серьезных размышлений сановников от искусства.

Хотя Академия художеств с основания имела характер единственного демократического учреждения в России и большинство ее заслуженных профессоров вышло из темного, — были примеры — даже из крепостного люда, но, вероятно, аристократизм профессии перевоспитывал их бесповоротно, до неузнаваемости.

Однажды Антокольский вошел ко мне в комнату и с серьезной таинственностью говорит:

— Знаешь, Илья, Стасов желает познакомиться с моими товарищами; просит меня позвать моих близких друзей и придет к нам сюда вечером. Что ты на это скажешь?

Я знал, что Антокольский со Стасовым уже знаком и был у него в Публичной библиотеке, что Стасов хвалил печатно Антокольского, но никак не ожидал, что Стасов пожелает познакомиться с нами.

— Неужели? Тот самый, страшный Стасов? — удивился я. — Интересно взглянуть, даже страшно делается.

— А кого позвать? — советуется Антокольский. — Как ты думаешь?

— Да ближайших, обедающих здесь, — предлагаю я.

— Значит, Семирадского, Ковалевского, Савицкого?

— Не прибавить ли еще Горшкова?

В тот вечер мы собрались пораньше; чай условились пить в моей комнате, как ближайшей от входа.

Собравшиеся здесь наши товарищи представляли, как и все ученики тогдашней Академии художеств, полное разнообразие положений, состояний и воспитания.

М. М. Антокольский — еврей из Вильны, с малым самообразованием.

Г. И. Семирадский — поляк, окончивший Харьковский университет, сын генерала, получивший хорошее воспитание.

П. О. Ковалевский — русский, сын профессора Казанского университета, окончил казанскую гимназию.

Савицкий — литвак из Белостока, из пятого класса гимназии.

Горшков — купеческий сын из Ельца, домашнего воспитания.

Я — военный поселянин из Чугуева, самоучка.

Мы сидели в ожидании «страшного» критика Стасова и тихонько разговаривали о нем. Антокольский в качестве хозяина поправлял сервировку, укладывая по красивее фрукты на тарелках, и поминутно выходил на

улицу, чтобы встретить важного дорогого гостя. Иногда кто-нибудь вспоминал громкую фразу из статьи Стасова об Академии, и тогда Семирадский, выпрямляясь во весь рост, начинал шагать по комнате, сверкая серыми выпуклыми глазами. Ковалевский с тайной иронией осторожного татарина умел ловко кольнуть товарища-классика в больное место и в виде вопроса, похвалив знаменитого журналиста, задеть Семирадского за живое. Семирадский уже горел нетерпением сразиться с критиком. Он был убежденный академист.

Наконец-то! Слышим, еще издали на лестнице и по коридору раздается громкий мужской голос, и в сопровождении Антокольского показалась громадная бородастая фигура сильного мужчины, с проседью, в черном сюртуке. Он должен был согнуться, чтобы заполнить собою пролет в мою комнату. Вид его был очень внушительный и так же мажорен, как его статьи.

Поздоровавшись со всеми наскоро, Владимир Васильевич сказал, указывая на Антокольского:

— Это вот кому я обязан, что сейчас стою здесь, среди вас. Надеюсь, вы хорошо все видели и знаете его статуэтку из дерева — «Еврей, вдевающий нитку в иглоку»? А? Какова вещица? Небольшая по размеру, но достаточно велика, чтобы увлечь всю новую скульптуру на настоящую, реальную дорогу.

— Дай бог, пора!

— Да это небывалая вещь!

— И я бы очень хотел видеть побольше таких начинаний. Надеюсь, вы согласны в этом со мной?

С Семирадским они заспорили с места в карьер.

Когда Владимир Васильевич сказал, что эта скульптура Антокольского из дерева для него выше и дороже